

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13

Гончарова А. В.

Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
ул. Королева, д. 7, г. Белгород, 308033, Россия; *Elfi1989@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена понятию о памяти как историческом, философском и культурологическом явлении, которое способствует непрерывности культурного наследия человеческого общества, а также его восприятию, пониманию и влиянию на развитие последующих поколений. Память – важнейший фактор сохранения национальной самобытности любого народа, этноса, государства в рамках глобализации, непрерывности культурно-исторического развития, так как все инновационные процессы неразрывно вплетены в это развитие и являются его следствием. Культурная память выступает как условие исторической преемственности, как «органическая система», как механизм сохранения прошлого в настоящем. Затронуты проблемы рассмотрения памяти как инструмента конструирования идентичности личности, когда внимание концентрируется на сферах коллективной, общественной и культурной памяти. Культурная память тесно связана с историей, подразумевает непрерывность интеллектуальной, духовной, нравственной жизни человека, общества в целом. Отсюда возникает множество практических проблем, связанных с таким понятием, как «историческая память»: недостаточное знание истории своей семьи, Родины, искажение исторических событий и их последствий; потеря и уничтожение культурного и исторического наследия и т. д. Автор ищет подходы к раскрытию сущности феномена историко-культурной памяти, его влияния на развитие личности, общества и государства.

Ключевые слова: историко-культурная память; этнос; нация; идентичность; преемственность; традиции; культурный ареал; трансформация современной России

Для цитирования: Гончарова А. В. Историко-культурная память как условие сохранения национальной идентичности // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С.134-141. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13

A. V. Goncharova

Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity

Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev Stroy, Belgorod, 308033, Russia;
Elfi1989@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the concept of memory as a historical, philosophical and cultural phenomenon that ensures the continuity of the cultural heritage of human society, its perception, understanding and influence on the development of subsequent

generations. It is the most important factor in preserving the national identity of any people, ethnos, state within the framework of globalization, the continuity of cultural and historical development, as all innovative processes are associated with this development. Cultural memory acts as a condition of historical continuity, as an "organic system", as a mechanism for preserving the past in the present. The article touches upon the problems of memory as a tool in the construction of personal identity, the sphere of collective, social and cultural memory. Cultural memory is connected with history, implies the continuity of intellectual, spiritual, moral life of a person, society as a whole. Hence, there are many problems associated, for example, with such a concept as "historical memory": insufficient knowledge of the history of one's family, homeland, distortion of historical events and their consequences (this is what we are seeing today in Ukraine); destruction of cultural and historical heritage; dissemination of anti-patriotic ideas, etc. The author tried to reveal the phenomenon of memory culture, its connection, and the impact on the development of the individual, society and the state.

Keywords: historical and cultural memory; ethnos; nation; identity; continuity; traditions; cultural area; transformation of modern Russia

For citation: Goncharova A.V. (2022), "Historical and cultural memory as a condition for preserving national identity", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 134-141, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-13

В современном мире все более заметным становится общественный интерес к осмыслению собственного прошлого. Историко-культурная память является фактором, определяющим характер коллективных представлений о прошлом, оценку нынешних событий и видение стратегии будущего развития общества. В России этот феномен также находит выражение во многих общественных сферах: в политической – как предмет государственной политики, фактор конструирования политической нации, предпосылка межэтнической и межнациональной интеграции или конфликтов, средство ретрансляции ценностей политической культуры; в социальной – как элемент общественного сознания, инструмент формирования национальной идентичности, общественной консолидации; в культурной – память и мемориализация как инструменты сохранения и передачи культурного опыта сообщества.

Память – сложный психический процесс, связывающий в единую последовательную цепь результаты прошлой, настоящей и будущей человеческой деятельности.

Что именно и как мы помним, стало предметом интенсивного научного поиска со второй половины XX века. Проблематика исследования историко-культурной памяти связана с конструкцией и реконструкцией воспоминаний, а также с динамическими социальными, политическими и культурными дискуссиями, имеющими целью переосмысление исторического прошлого.

Амбивалентность функционирования феномена историко-культурной памяти в современном обществе обусловлена, с одной стороны, вызовами глобализации, сопровождающейся нивелированием традиций и культурных особенностей сообществ, а с другой – оживлением интереса к прошлому, использованием его индустрией наследия в коммерческих целях.

Внимание ученых к проблематике памяти стимулирует разноплановые исследования ее понятийного тезауруса, в частности исторической, культурной, коллективной, общественной, коммуникативной памяти, политики и индустрии памяти. В последние годы проблематика историко-культурной памяти широко артикулируется в общественном и научном дискурсе России

и зарубежных стран. Ряд исследований посвящены этой проблеме, в частности А. Ассман, Я. Ассмана, Х. Вельцера, О.Ю. Малиновой, Е.Ю. Мелешкиной, Л.П. Репиной, Ю.А. Сафроновой, М. Хальбвакса, П. Хаттона и других авторов. Они рассматривают вопросы конфликтности памяти в современной России и мире, анализируют трансформацию символического пространства и исторической памяти города, политику памяти на национальном и локальном уровнях. В то же время целесообразно отметить, что связь исторической памяти с фундаментальными ценностями демократии, правами человека в мультикультурном ареале еще недостаточно отражены в научных исследованиях.

В связи с обозначенными взаимосвязями возникает необходимость выяснить роль культурной памяти в период демократической трансформации России в качестве посредника нового общественного нарратива прошлого, которое интегрировало бы различные варианты и перспективы будущего развития российского общества. Важно при этом сосредоточить внимание на феномене историко-культурной памяти в процессе конструирования идентичности личности, в ее связи с теорией прав человека, послужившей индикатором демократических перемен. Вследствие мощного социально-экономического развития России и всего развитого мира в последние десятилетия и существенных изменений в условиях жизни людей, акцент в культурной сфере смещается от коллектива и дисциплины к свободе личности и самовыражению, от групповой нормы к индивидуальному многообразию. Утверждение ценностей самовыражения превращает модернизацию в процесс человеческого развития, формируя общество, центральное место в котором занимают люди.

Трансформационные и модернизационные процессы влияют на изменения в мировоззрении и отношениях людей, а в критические периоды сопровождаются процессами культурной неопределенности, пере-

смотра предыдущих культурных норм. Современный политический ландшафт России претерпевает решающие изменения с помощью ряда новых инструментов и институтов, имеющих целью преодолеть наследие тоталитарного прошлого. Утверждение прав человека международным сообществом обеспечило условия для таких изменений. «Страны, которые пережили грубую диктатуру и кровавые геноциды, положили конец преследованиям, насилию, эксплуатации для того, чтобы восстановить новые отношения между победителями и побежденными, преступниками и жертвами на пути к интегрированному обществу» (Assmann, Shortt, 2012: 30).

В западном мире, как отмечает Дж. Гиллис, история памяти прошла три фазы: донациональную (вторая половина XVIII в.), национальную (с момента революций в Америке и Франции – до 1960 г.) и современную, постнациональную. Но трансформационный опыт посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы частично противоречит такой схеме. После распада Советского Союза «эти страны оказались в меняющемся мире формирования транснациональных и глобалистских образований, и были вынуждены не только радикально менять свой социальный и экономический уклад, но и пытаться снова воссоздать национальную идентичность» (Gillis, 1994: 85).

Историко-культурная память реализует свой потенциал, когда люди объединяются, трансформируя репрезентации прошлого в позитивные изменения общественного развития. Общественные нарративы о страданиях и несправедливости имеют большое моральное значение. В то же время коллективная память становится общественной при условии ее использования в процессе формирования, конструирования идентичности личности. Итак, историко-культурная память объединяет различные группы людей, предлагая ощущение принадлежности к определенному сообществу, сообщая людям, кто они есть, формируя смыслы прошлого.

М. Хальбвакс в своих социокультурных исследованиях развил идею коллективной памяти, ее образов и форм, которые формируются социальными группами и обществами в пределах специфической социальной структуры. Согласно М. Хальбваксу, «память о прошлом каждого индивида является общественно опосредованной и тесно связанной с группой, к которой он принадлежит. Социокультурные измерения имеют также личные воспоминания людей, поскольку они выражены в межличностной коммуникации» (Хальбвакс, 2007: 34). Анализируя связь между правами человека и памятью, М. Хальбвакс подчеркивает важность гражданского общества, а не государства. Ученый утверждает, что «гражданское общество связано в ассоциации, которые рассказывают о том, что они делают и кто они есть. Различия коллективной памяти разных сообществ определяются нарративами, где они моделируют свое прошлое. С изменением сообщества происходят изменения и в рассказе о его прошлом и идентичности» (Хальбвакс, 2007: 59). Следовательно, общественная среда ограничивает и упорядочивает воспоминания о прошлом в пространстве и времени, выступая одновременно источником как самих воспоминаний, так и понятий, с помощью которых они фиксируются.

Обоснование теории культурной памяти, основанной на семиотической идее культурной объективации, отражено в работах немецких исследователей Аляйды Ассман и Яна Ассмана. В частности, Я. Ассман в понятии коллективной памяти различает «коммуникативную и культурную память» (Ассман, 2004: 59). Коммуникативная память – представление о прошлом, которое передается по каналам ежедневной коммуникации и формируется в процессах повседневного неформального общения нескольких поколений живых членов сообщества. Я. Ассман утверждает, что «в эту память общество вписывает само себя с помощью всех своих норм и ценностей, тем самым формируя общественное сознание» (Ассман, 2004: 38). Культурная память

обеспечивает связь между поколениями определенной общности и является следствием существования многочисленных средств хранения информации о своем прошлом опыте, который социум использует для сохранения общей идентичности. «Культурная память охватывает совокупность репрезентаций, конструктов и форм прошлого, связывающих историю, культуру и общество» (Ассман, 2004: 49-50). Личные воспоминания являются виртуальными, пока они не материализуются в словах и изображениях для дальнейшего представления. Коллективная память производится через опосредованное представление прошлого, которое охватывает выборочное, организованное, упрощенное, сомнительное включение и выключение информации (Ассман, 2012; Ассман, 2004; Агаџо, 2012; Нога, 1989).

Итак, запоминание и забвение являются выборочными процессами. Не только прошлое действует и влияет на современное общество, но и его репрезентация, представление о нем и представление исторических событий создаются и распространяются в обществе в пределах специфических культурных маркеров и политического контекста. Общие представления об историческом прошлом, коллективная историческая память является основой интеграции и консолидации общества. Таким образом, историческая память – это коллективное представление о прошлом, фундамент национальной идентичности. То, что мы считаем реальностью, на самом деле – результат действия интерпретации. Это свидетельствует о том, что связь между прошлым и настоящим является изменчивой, открытой и неограниченной в пространстве и времени. Исследователи единодушны во мнении, что память в современном обществе используется как инструмент политических и культурных технологий конструирования, архивирования и осмысления прошлого (Ассман, 2012; Ассман, 2004; Хальбвакс, 2007; Assmann, Shortt, 2012). Каждое сообщество имеет свою историческую память, которая отличает его

от других сообществ. В то же время Раса Чепайтене подчеркивает, что «в процессе формирования, консолидации или сохранения определенного типа идентичности используются те или иные, чаще всего стереотипные, источники традиции, коллективной памяти или культурного наследия» (Чепайтене, 2012: 82).

Память является гибкой, она играет важную роль в процессе политической трансформации общества. Ученые подчеркивают субъективность категории памяти. Среди адаптационных свойств памяти – «ее ненадежность, способность к удержанию и предотвращению, готовности заменить старую информацию новой» (Andersen, Törnquist-Plewa, 2016: 52). Разнородные и неоднородные воспоминания могут сосуществовать на личностном уровне, но это происходит и на общественном уровне. Некоторые воспоминания могут сосуществовать или взаимодействовать, а другие находятся в состоянии диссонанса, несогласия, противодействия. В частности, Андреас Гуссен утверждает о взаимосвязи процессов памятования и забвения. Каждое действие памяти, индивидуальной или коллективной, всегда привлекает выборочную, частичную, или, иначе говоря, предвзятую формы забвения. Иногда и короткая фаза забвения может привести к поиску исторической памяти. Поскольку памятование всегда взаимодействует с забвением, не может быть его полного и четкого закрытия. Итак, «файл памяти никогда не закрывается, он частично открыт и обладает способностью к реконструкции в новые действия памятования» (Huysen, 2003: 37).

Политический, правовой, социальный и культурный процессы переходного периода – это процессы, которые еще не завершились и приобрели характер непрогнозируемых. Время как важный фактор изменений может повлиять на превращение памяти в небытие, если не предприняты никакие меры, чтобы противодействовать этому. Зато отдельные индивиды, сообщества и государство всегда имеют выбор, ко-

гда, как, и какие события прошлого помнить или забыть. После политических изменений новая политическая или государственная структура, образованная для реконструкции и репрезентации исторического прошлого, может столкнуться с другими имеющимися формами памяти в публичном пространстве. «Индивидуальные воспоминания нелегко переписать, и семейные истории нередко сохраняются целыми поколениями благодаря устной истории. Эти памяти могут сосуществовать или не могут быть совместимыми с официальными нарративами, конструированными вследствие травматических событий» (Assmann, Shortt, 2012: 60).

Коллективная память характеризуется непрерывностью, «она не является однородной, а конфликтной, скорее напоминает мозаику, состоящую из разных зон, частей, способов, благодаря которым прошлое помнится индивидами и группами» (Araújo, 2012: 90). Поскольку оба процесса запоминания и забвения всегда выборочные, «искренние намерения преодолеть враждебные или подозрительные настроения зависят от настоящего согласия не помнить все, а публично обсуждать, какие из проблемных вопросов необходимо решить» (Assmann, Shortt, 2012: 78). Эта мысль является важной в контексте анализа проблем современных русско-восточных отношений.

В обществах, отмеченных драматическими событиями, в которых трансмиссия опыта прошлого была прервана, коллективная память является основой для формирования исторической памяти. «Этот процесс известен как мемориализация и может быть выкристаллизован в более постоянных формах, включая музеи, памятники и мемориалы» (Araújo, 2012: 7). Французский историк П. Нора, автор концепции «мест памяти», утверждал, что шаг от места поколений к памятному месту и месту воспоминаний, сопровождается разрывом, разрушением границ культурных значений и общественных контекстов. Модерность приводит к постоянному изменению жизненного

мира, а также к увеличению количества музеев и мест воспоминаний. «Мы переживаем момент перехода, когда сознание раскола с прошлым идет рядом с чувством разрыва памяти и, одновременно, с моментом, когда этот разрыв высвобождает так много памяти, что возникает вопрос о ее воплощении» (Nora, 1989: 12).

Память нации выражается в историческом ландшафте своих мест воспоминаний. Любое место воспоминаний, по мнению А. Ассман, «является переплетением пространства и времени, присутствующего с отсутствующим, реального настоящего с историческим прошлым. Место же может быть субъектом и носителем воспоминаний, ведь память места значительно выходит за пределы человеческой памяти» (Ассман, 2012: 355). Исследовательница различает памятные и болевые точки истории. Памятные места – это места, в которых происходили события, которые становятся образцом или примером и приобретают в мифической, национальной и исторической памяти выдающийся статус. Они незабываемые в той степени, в которой закрепляются определенной группой в положительных и обязывающих воспоминаниях. «Болевые точки отличаются от памятных тем, что они блокируют положительное смыслообразование» (Ассман, 2012: 355-357).

Характеризуя Европу как память земли или совокупность памяти земель, исследователи рассматривают комплекс путей переживания и памятование прошлого в европейских странах, которые представляют не определенную статическую форму, а скорее канву противоречивых тенденций и событий. По их мнению, европейская память характеризуется определенными изменениями, а также напряжениями и амбивалентностью, которые отражаются в ее мемориализации (см.: Macdonald, 2013: 98). Ш. Макдоналд вводит в тезаурус понятийного аппарата проблематики исследования термин «комплекс памяти», включающий взаимодействие трех важных компонентов – памяти, наследия, идентичности (см.: Macdonald, 2013: 100). Комплекс памяти

исследовательница рассматривает как совокупность практик, воздействий и физических объектов, включая такие части, как мемориальные услуги, ностальгию и исторические артефакты. Места памяти являются носителями прошлого благодаря историческим нарративам, а их исторический смысл легитимируется с помощью таких форм мемориализации, как выставки, книги о местной истории и мемориальные таблицы. По мнению исследовательницы, такая историческая тематизация – представление места исторического прошлого через набор общедоступных воспоминаний, «имеет целью формирование у личности идентичности, чувство принадлежности к определенному сообществу и его историческому прошлому, актуализируется благодаря историческому нарративу в местах памяти» (Macdonald, 2013: 103).

Исследователи отмечают динамичный характер понятий «идентичность», «память» и указывают на существование преимущественно определенных конструкций и репрезентаций реальности, а не самой реальности. Следовательно, это скорее субъективное, а не объективное явление (см.: Чепайтене, 2012; Gillis, 1994). Медиа-события также помогают изменить воспоминания и трансформировать общество, «а также синхронизировать общественные интересы и гомогенизировать коллективную память» (Assmann, Shortt, 2012: 51). Представление об общем прошлом, общественный нарратив как интерпретация официального исторического дискурса, в основном транслирующаяся с помощью медиа, являются мощным средством в конструировании и реконструировании индивидуальной и коллективной памяти.

В заключение можем сделать следующие выводы:

- историко-культурная память основывается на системе ценностей, функционирующей в определенной культуре, а места памяти определяют направления идентичности личности;

- формирование позитивного отношения к общечеловеческим ценностям предполагает признание универсальности основных прав человека, уважение к человеческому достоинству и свободе, уважение разнообразия, осознание важности диалога в демократическом обществе, солидарность, отрицание ксенофобии и дискриминации;

- признание приоритета прав человека, человеческого достоинства позволяет сформировать ценностное отношение личности к памяти и воспоминаниям разных индивидов и сообществ, готовность к трансляции ценностей и опыта прошлого другим членам общества;

- обеспечивая возможности членам сообщества исследования путей формирования различных идентичностей, культурного наследия, ценностей и моделей поведения людей в прошлом, историко-культурная память в демократическом обществе может производить новые социальные границы деятельности.

Литература

Ассман, А. Пространства воспоминания. Формы трансформации культурной памяти. М.: Языки славянской культуры, 2012. 440 с.

Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Репина, Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 9-18.

Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Хаттон, П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 422 с.

Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире: монография. Вильнюс, Европейский гуманитарный университет институт истории Литвы, 2010. 296 с.

Andersen, T.S., Törnquist-Plewa B. *Disputed memory: emotions and memory politics in Central, Eastern and South-Eastern Europe*. Berlin; Boston, 2016. 383 p.

Araújo, A.L. *Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space*. New York, 2012. 296 p.

Assmann, A., Shortt, L. *Memory and Political Change*. New York, 2012. 248 p.

Gillis, J.R. *Commemorations: The Politics of National Identity*. Princeton, 1994. 290 p.

Huysen, A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. California, 2003. 177 p.

Macdonald, S. *Memorylands: heritage and identity in Europe today*. London, 2013. 293 p.

Nora, P. *Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // Representations*. 1989. Vol. 26. P. 7-25.

References

Andersen, T. S. and Törnquist-Plewa, B. (2016), *Disputed memory: emotions and memory politics in Central, Eastern and South-Eastern Europe*, Berlin; Boston, Germany.

Araújo, A. L. (2012), *Politics of Memory: Making Slavery Visible in the Public Space*, New York.

Assman, A. (2012), *Prostranstva vospominaniya. Formy transformatsii kul'turnoy pamyati* [Memory spaces. Forms of transformation of cultural memory], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Assman, Jan (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom, I politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the High cultures of antiquity], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Assmann, A. and Shortt, L. (2012), *Memory and Political Change*, New York.

Chepaytene, R. (2010), *Kulturnoe nasledie v global'nom mire: monografiya* [Cultural heritage in the global world: monograph], European Humanities University, Vilnius (in Russ.).

Gillis, J. R. (1994), *Commemorations: The Politics of National Identity*, Princeton.

Halbwax, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social framework of memory], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Hutton, P. H. (2003), *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory], Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Huysen, A. (2003), *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, California.

Macdonald, S. (2013), *Memorylands: heritage and identity in Europe today*, London, UK.

Nora, P. (1989), "Between Memory and History: Les Lieux de Memoire", *Representations*, 26, 7-25.

Repina, L. P. (2003), "Images of the past in memory and in history", *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evropa do nachala Novogo vremeni* [Images of the past and collective identity in Europe before the beginning of Modern Times], Moscow, Russia, 9-18 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Гончарова Анастасия Владиславовна, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королёва, д. 7, г. Белгород, 308034, Россия; Elfi1989@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anastasia V. Goncharova, PhD Student, Department of Philosophy, Culturology, Scientific Studies, Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308034, Russia; Elfi1989@yandex.ru